

Если сравнивать с Паньцзяо, Ушу соображал куда лучше — разум в нем проклюнулся еще в прежние времена. Он эволюционировал быстрее рогатого, хоть и отставал от Синчэнь.

Цзян Фэй смутно подозревал, что все дело в элементарной эстетике: девочка просто была куда симпатичнее.

Впрочем, в бою звериное чутье всегда превосходило человеческое. Ушу мгновенно взяла на себя роль главного бойца, превратившись в хваткий авангардный таран. Сражался зверь, постоянно подпрыгивая и мурлыча под нос какой-то незамысловатый мотивчик. Цзян Фэй долго прислушивался, пока с изумлением не узнал вольные куплеты, какие обычно заказывали бродячим актерам на деревенских свадьбах.

— Милая Ушу, ну не все же подряд петь, — мягко пожурил ее юноша.

Крыса послушно умолкла, на ходу перемахнула Цзян Фэйю на плечо и ласково потерлась пушистой щекой о его скулу.

— Братик...

Едва научившись извлекать звуки, зверушка больше всего любила повторять именно это слово, которое юноша произносил чаще всего.

Синчэнь, шедшая в замыкании, закусила нижнюю губу. Натура у нее была не слишком склонная к нежностям, но, поддавшись общей волне, она тоже тихо прошептала:

— Братик...

По правде говоря, самым бесполезным членом этой группы сейчас был сам Цзян Фэй. Однако вся троица его защитников беспрекословно признавала его главным. Юноша едва успевал дарить каждому внимание.

Паньцзяо нетерпеливо застучал копытом по каменистой земле. Наставив свои демонические рога, баран уперся ими Цзян Фэйю в бедра, продвинув его на пару шагов вперед. Затем, выдав серию требовательных «ме-е-е», густо и басовито грохнул на весь лес:

— БРАТИК!

Паньцзяо тоже заговорил!

Густой, басовитый мужицкий тембр звучал так, будто у его обладателя отросла лопатой кудрявая борода.

Цзян Фэй аж передернулся. Всякое желание сюсюкать с питомцами мгновенно улетучилось. Он звонко щелкнул пальцами:

Вперед!

Они погружались все глубже в чашу.

— Ебать мой лысый череп... Да эта проклятая глушь в разы кошмарнее нашего мира даже в самый разгар глобального аномального сдвига!

Несмотря на то что у самого Лю Цыня на плечах сидела мерзкая хитиновая морда с инсектоидными жвалами, даже его тошнило от окружающего пейзажа.

И он ни капли не сгущал краски.

В самом сердце непроходимой чащи пылал костер. Над кострищем на вертеле из толстой проволоки подрумянивалась обгорелая, изошедшая соком человеческая туша. Мясо на бедрах было срезано до самого белого костного остова, а на животе виднелись рваные следы человеческих зубов — похоже, какой-то жуткой твари не терпилось схватить лакомство еще до того, как оно полностью прожарится.

Возле костра стоял срубленный пенёк-векан, сплошь покрытый годовыми кольцами. На нем, словно на блюде, покоилась оторванная голой рукой голова. Грубая, заветренная кожа подсказывала, что погибший был местным рыбаком, часто выходившим в море.

Глаза вырвали с мясом, да так торопливо, что края глазниц треснули, а по сухим щекам тянулись запекшиеся кровавые дорожки. Волосы на темени обуглились, черепную коробку безжалостно размозжили о край пня и вычерпывали парный мозжечок прямо руками, устраивая себе кровожадный шведский стол.

Запах паленого мяса и специй стоял настолько аппетитный, что от него выворачивало желудок.

Рядом с обезглавленной тушей валялись огромные тушки морских рыб — центнеровые туши, среди которых затесался даже синеперый тунец.

— Вот же тварь гурманная, — прошипел Ли Чэнцзян.

Ни у кого из присутствующих аппетита не наблюдалось.

Только что они выдержали тяжелейший бой.

Тварь, жарившая себе обед, была облачена в такие же белоснежные, развевающиеся даосские одежды, что и преследовавшие их «бессмертные». Вот только под изысканной парчой скрывалась нечисть, сочащаяся скверной. Это был не просто монстр — у него сохранялся зачатковый разум. В первую секунду они даже попытались заговорить.

Правда, диалог не задался.

Чудовище предложило отдавать ему Ван Ли, а остальных пообещало отпустить. Лю Цыянь вежливо отказался.

В итоге завязалась рубка.

К счастью, тварь тянула от силы на начальный **[С-ранг]**. Ли Чэнцзян принял основной удар на себя, и после изнурительной схватки монстра удалось забить. Одинаковые с преследователями даосские сутаны навели учащихся на скверные мысли: один из учеников, обладатель огневого резонанса, даже не стал осматривать труп и испепелил его дочиста.

И лишь расправившись с врагом, они огляделись по сторонам.

Кто-то из ребят не выдержал и, узрев весь этот кровавый натюрморт, уткнулся в кусты, заходясь в сухих позывах.

В родном мире аномалии тоже пожирали людей, но такая изощренная кулинария выбивала почву из-под ног. Это означало лишь одно: законы этого места окончательно сорвались с петель.

Благо враг оказался не слишком силен. Случись им встретить кого покрепче — и сзади преследование, и спереди каннибал, — тут бы их всех и подали на стол.

— Что делаем дальше? — спросил Ли Чэнцзян.

Он оставался единственным **[А-ранговым]** резонансником в отряде, но в свои пятнадцать лет, выращенный в теплицах новой эры, юноша совершенно не знал, как вести себя в подобном аду.

Лю Цыянь выглядел самым «опытным» и выдержанным. В итоге все решили довериться ему. Сам Лю Цыянь ни разу не считал себя надежным лидером, но его устрашающий жучиный лик не оставлял студентам выбора — спорить с ним никто не решался.

А группе сейчас до зареза требовалось единоначалие.

Восемнадцать человек — отряд слишком заметный. По уму следовало разбиться на мелкие группы, но Лю Цыянь опасался, что скрытые среди них сектанты перебьют всех поодиночке. Приходилось вести всю ораву.

Предатели зарылись слишком глубоко. Ни Академия, ни преподаватели так и не смогли вычислить крыс.

Ван Миньминь, молчаливая девушка с **[В-рангом]** из первого класса, вдруг негромко произнесла:

— Высокоуровневые аномалии способны удерживать внутри себя изолированные карманные измерения. Нас загнали сюда не просто так — кому-то нужно то, что спрятано в центре.

Лю Цыянь насупился. Обычно эта девчонка слова не вымолвит, а тут вдруг ударилась в аналитику. Не сектантка ли?

Дэн Лай из второго класса, тоже обладатель **[В-ранга]**, обливался градом пота:

— Чуйка горит... Надо убираться отсюда, и живо.

«Слишком уж сильно он потеет», — подумал Лю Цыянь. Тоже подозрительно.

Ли Чэнцзян сыпал вопросами:

— Куда шагаем?

«А-ранг, а своего ума нет. Может, притворяется дурачком, чтобы выждать момент?» — паранойя Лю Цыяня закручивалась в тугий узел.

Ван Ли толкнул его плечом:

— Надо рвать когти, брат.

«Черт... Неужели и Дали в этой каше?!»

Лю Цыянь чувствовал, что еще немного — и у него поедет крыша от давления.

Эх, был бы тут Цзян Фэй! У того голова варит, он бы вмиг раскусил, где зарыта собака.

— Идем на восток, — произнес Лю Цыянь.

Ли Чэнцзян тут же уточнил:

— Почему туда?

— Потому что, — Лю Цыянь тяжело вздохнул, — пурпурная цзи течет с востока! Добрый знак!

Да откуда ему, к чертям, знать, куда идти?! Естественно, выбираешь направление, где поменьше паршивых предзнаменований!

Спасите! За какие грехи на плечи одного несчастного жука взвалили жизни целой кучи народа?!

Из чащи за их спинами донеслось подозрительное шуршание. Лю Цыянь заорал:

— Ходу, ходу!

Какая-то дрянь снова вышла на их след!

Внутренние круги Иллюзорного Царства Бессмертной Судьбы являли собой извращенный, гротескный абсурд.

Сплошные склизкие щупальца сплетались на земле, ползая друг по другу. В воздухе зависли гроздь прозрачных радужных пузырей, внутри которых почкованием рождались человеческие глазные яблоки. Глаза вращались в жидкой среде, неустанно следя за отрядом Цзян Фэя.

Здесь не было тьмы — напротив, буйство красок слепило глаза своей ядовитой пестротой. Среди искореженных, лишенных листвы исполинских деревьев копошились тучи гигантских слепых червей. Время от времени эти твари разрывали собственные тела пополам, обнажая пасти, усаженные рядами острых клыков.

Монстров было слишком много, их сила зашкаливала. Человеческих ресурсов банально не хватало, чтобы пробиться дальше. Даже сверхспособности не спасали.

Ушу растопырила лапки, Синчэнь подняла руки над головой — вдвоем они удерживали мерцающий защитный барьер, не позволяя стаям аномалий сомкнуться над их головами.

Синчэнь искусала губы до крови. Страх и напряжение выжигали ее изнутри. И все же она держалась стойко — а ведь ей исполнилось всего тринадцать! Совсем еще ребенок, вынужденный сражаться с бесконечным роем уродливых порождений ада.

Цзян Фэй ласково погладил ее по плечу, давая знак перевести дух.

— Братик, что нам делать? — прошептала она.

Они и сами не знали, насколько глубоко зашли. Просто шагали вперед, пока не уперлись в тупик — дальше их сил попросту не хватало.

Синчэнь, Ушу и Паньцзяо исчерпали лимит взрывной эволюции.

Путь назад и вперед преграждали бесчисленные твари. Они сбивались в плотные, пульсирующие шары, издавая мерзкий, давящий на мозги ультразвук:

«Еда-а... Есть... Голод...»

— Думаю, мы здесь ненадолго, — тихо ответил Цзян Фэй.

За пределами иллюзии их караулят Владыки Гор. Они жаждут заполучить сочную добычу и не позволят смертным бесконечно прокачивать свои способности внутри царства.

Синчэнь снова нервно закусил губу.

— Синчэнь, — Цзян Фэй посмотрел ей прямо в глаза. — Когда выйдешь из Иллюзорного Царства, не обращай внимания ни на что вокруг. Беги на восток. И не оглядывайся.

Девочка мгновенно уловила подвох:

— А как же ты, братик?

Цзян Фэй смотрел на адовы чертоги, кишачие чудовищами. Его голос звучал предельно спокойно:

— Я пойду дальше.

— Я с тобой! — без колебаний выкрикнула Синчэнь.

— Пи-пи! — Ушу в панике вскочила юноше на плечо, от волнения потеряв дар речи.

Цзян Фэй ссадил крысу и пересадил ее на загривок Паньцзяо.

Баран басовито рявкнул:

— БРАТИК!

— Туда могу идти только я, — качнул головой Цзян Фэй.

Дело было не в том, что у него хватало сил. Просто его жизнь стоила меньше всего.

По мере погружения в Иллюзорное Царство сила трех зверушек выросла кратно. Да, дать бой Владыкам Гор они не смогут, но у них есть реальный шанс прорвать окружение и сбежать.

А вот Цзян Фэй станет для них обузой. Его прирост сил был ничтожен. Если он останется с ними, Владыки просто перебьют весь отряд.

«Если вам достаточно пройти десять метров, чтобы получить силу, а мне нужно отшагать целую версту, значит, я пройду тысячу, десять тысяч верст. И остановлюсь только тогда, когда испущу последний вдох».

Логика Цзян Фэя была проста: он должен пробиться на ту глубину, где сможет защитить хотя бы себя.

— Это слишком опасно! — Синчэнь со слезами на глазах вцепилась в его рукав.

Юноша молча разжал ее пальцы:

— Поверь мне.

На самом деле он сам не верил в свой успех. Но иного пути у него попросту не оставалось.

Лю Цыянь снова убил. На этот раз — настоящего человека.

Местные деревенские жители натравили на них гончих, помогая «бессмертным» зачищать «демонов». Чтобы не навлечь на отряд новую волну даосов, которые были страшнее любых аномалий, Лю Цыяню пришлось занести клинок над обычными смертными. На его совести лежали жизни семнадцати одноклассников.

Все молчали. Ни у кого не поднялся язык упрекнуть его в жестокости к безоружным.

И все же градус паники в отряде рос.

Ли Чэнцзян буркнул под нос:

— Какого черта Академия зажимала наши эликсиры? Выдай они нам нормальные медикаменты вовремя, мы бы сейчас не бегали как зайцы!

Лю Цыянь смерил его подозрительным взглядом. «Точно сектант, к гадалке не ходи».

Он потрянул головой, пытаясь выбить дурь из мыслей, и случайно выронил крошечного жучка, застрявшего в хитине.

Лю Цыянь тут же присел, бережно подхватил насекомое и вернул его на свою панцирную кожу.

Раньше он ненавидел эту мутацию. Но после того как коакторный жук неоднократно спасал ему жизнь, Лю Цыянь души в нем не чаял.

[Генетический номер 9: Деление] наделял его невероятным потенциалом: неуязвимое хитиновое тело, нескончаемый запас членистоногих слуг и дикая регенерация.

Для рядовых студентов высокоранговые резонансники были оплотом надежды. И когда Ли Чэнцзян начал возмущаться, остальные подхватили:

— Точно! Препараты из Академии дали бы нам буст!

— Выпьешь пилюлю — плюс сорок-пятьдесят пунктов к боевой мощи. Даже если принимать раз в неделю, накопится пара сотен!

Лю Цыяню было лень разжевывать этим идиотам элементарную матчасть. Он просто шагнул к Ли Чэнцзяну, сгреб его за грудки и прорычал:

— Кто тебе сунул в уши эту чушь про эликсиры?

Лю Цыянь все-таки хотел верить парню, резонировавшему с лабрадором.

Ли Чэнцзян, прямой как палка, не задумываясь тыкнул пальцем в Чэнь Уляна — огненного **[В-ранга]** из первого класса, который всю дорогу выжигал следы их присутствия.

Лю Цыянь прищурился. Впрочем, из-за хитиновых щитков на его роже этого никто не заметил.

Чэнь Улян выпятил грудь:

— А что я не так сказал?! В критической ситуации каждые десять пунктов на счету! Одному плюс двести — а нас восемнадцать человек! Это же три тысячи шестьсот пунктов суммарного прироста!

Лю Цыянь онемел от такой математики.

Ван Ли, закованный в каменную броню, не выдержал и подал голос:

— Слышь, математик, так это не работает...

Плюс три тысячи шестьсот одному человеку — это сила. А размазанные по двести пунктов на восемнадцать голов — ничто.

Чэнь Уляну на вид было лет двадцать пять, голова крашена в ядовито-желтый цвет. Лю Цыянь провел рукой по лицу:

— Скажи спасибо аномальному сдвигу, парень. Только благодаря ему ты сумел поступить в Восточный университет с такими знаниями.

Жертва неполного среднего образования, не иначе.

Но из-за того, что «бессмертные» охотились именно за Ван Ли, тот до сих пор сидел и не отвечивал. Стоило ему подать голос — и на него тут же полилась грязь.

Чэнь Улян мгновенно переключил агро:

— Я не собираюсь погибать из-за чужих проблем! На хвосте висит армия, я предлагаю разделиться!

Сказать прямо «бросим Ван Ли» у него кишка была тонка — все-таки воспитание сказывалось.

Ван Ли сник. Он понимал, что действительно тянет отряд на дно.

Но Лю Цыянь церемониться не стал. Его рука, сотканная из черных членистоногих, мгновенно удлинилась, обрастая шипами, и мертвой хваткой сжала горло Чэнь Уляна.

— Я тут жилы рву, чтобы вы, суки, не подошли, а ты мне бунт устраиваешь?!

— Ты В-ранг, и я В-ранг, но между нами, блять, пропасть!

Второй рукой Лю Цыянь похлопал Ван Ли по плечу:

— Хочешь его бросить? Ты хоть знаешь, кто он такой?! Он — самый быстрый пробужденный последователь за всю историю Центрального Континента! Ваша паршивая шкура вместе с жизнью Ли Чэнцзяна и ногтя его не стоят!

— А главное — он, сука, мой сожитель по комнате!

Лю Цыянь разжал пальцы, и Чэнь Улян кулем повалился на землю, жадно глотая воздух.

— Никто никуда не уходит. А если у кого-то есть возражения — я вколочу их вам обратно через задницу!

Лю Цыянь свирепо уставился на Ли Чэнцзяна.

Тот от ужаса вылупил круглые песьи глаза, не выдержал напора и...

— Гав!

Гавкнул.

Лю Цыянь: «...»

Цзян Фэй сделал шаг в гущу чудовищ. Не успел он пройти и пары саженей, как волна аномалий накрыла его с головой.

Прошел целый век — или промелькнула лишь секунда.

Когда Цзян Фэй пришел в себя, он обнаружил, что стоит на том же месте, только развернут в другую сторону — лицом к Синчэнь.

— Братик! Ты наконец-то вышел! — щеки девочки были мокрыми от слез. Похоже, она рыдала долго.

В голове заскреблось чувство неправильности, но юноша мотнул головой, выгоняя морок.

— Ты как?

Ушу выскочила из-за барьера, в один прыжок оказалась у него на плече и отчаянно вцепилась в шею.

— Я был там, — произнес Цзян Фэй. — Шагал долго... И кого-то встретил.

Он поднял руку, но ладонь была пуста.

Юноша хотел рассказать, что именно видел, но едва открыл рот, понял — слов нет.

Он ничего не мог объяснить. Прислушавшись к себе, Цзян Фэй уловил лишь странное, смутное чувство.

Впрочем, тут странным было абсолютно все.

Позже, окончательно очнувшись, Цзян Фэй легко понял, почему у него постоянно выпадали куски памяти. Он шел по овечьей тропе — узкому, сокровенному пути духов. То, что открывалось там, было доступно лишь разуму его зверушек.

— Мои силы почти не изменились, — нахмурился юноша.

Чуда не случилось. Попытка переступить порог смерти не принесла ему взрывного роста.

Он снова вспомнил простую истину: он — самый обычный человек.

Реальность не дала ему времени на рефлексия.

Вспыхнул ослепительный белый свет, и всю четверку выбросило из Иллюзорного Царства.

Владыки Гор не успели подстеречь их: случайная точка телепортации подарила отряду драгоценные минуты на спасение.

Цзян Фэй снова повторил Синчэнь:

— Беги на восток. И не оглядывайся.

На склоне холма мирно щипали траву дикие кони. Цзян Фэй заметил самого упитанного, подошел и ловко взлетел в седло.

Седло под бедрами показалось неожиданно жестким.

Юноша насупился. Он же специально выбрал самую жирную тушу — почему ощущение такое, будто сел на костлявый хребет?

Это же настоящая туша, а не лошадь!

— Братик, — Синчэнь подбежала к нему, глядя с непониманием.

Раз они вырвались вместе, почему нельзя бежать отрядом?

— Я буду идти за вами, — глубоко вздохнул Цзян Фэй. — Синчэнь, ты не должна меня ждать.

S-ранговый Владыка Звёзд удерживал Рёвущего Кролика-Драконоеда и Яростного Сечжи в пределах заданного поля. Линьхуа откровенно скучал — от непрерывных танцев у него затекли копыта.

Тысячу лет он просидел в заточении, и теперь больше всего на свете любил чесать языком.

Вот только на десять его длинных монологов Фу Сяо не отвечал ни словом.

«Эх... Сдулся ты, Преподобный. Раньше такой душкой был», — печально вздохнула костяная морда Линьхуа.

Но сдаваться конь не собирался. Надо было завязать разговор!

«Преподобный, а помнишь, как ты с первого взгляда выделил меня из всего табуна?»

В той степи паслись тысячи диких лошадей, но Преподобный выбрал именно его — самого дикого и непокорного коня. Наверняка его зацепила уникальная, величественная аура!

Фу Сяо даже взглядом его не удостоил.

Однако на этот раз ответил:

— Паньцзяо весил триста цзиней.

Линьхуа не понял, при чем тут баран и его упитанность.

— А ты — четыреста.

Голос Фу Сяо звучал холодно и отстраненно, словно он зачитывал сводку погоды.

Диких коней на том лугу действительно хватало. Вот только четыреста цзиней отборного мяса были только в Линьхуа. В те времена Фу Сяо не думал о величии — он просто выбирал, кого сожрать первым.

Ведь если рядом стоят трехсотцзиневый барашек и четырехсотцзиневый жеребец, даже свинья поймет, кого выгоднее пустить на фарш!

Когда до Линьхуа дошел истинный смысл хозяйских слов, огненная грива на его костяном черепе вспыхнула с невероятной силой, а в голосе прорезались истеричные нотки:

«Преподобный мой! Ты испортился!»

«Сколько ты вообще пробыл с этим Цзян Фэем?!»

Верните ему благородного, праведного и надежного хозяина!

Думаете, его вопли подействовали? Как бы не так.

Вспомнив мысли кое-кого, Фу Сяо безжалостно добил:

— Супер-пупер жирный конь.

Линьхуа: «...»

<http://bllate.org/book/19820/1992630>